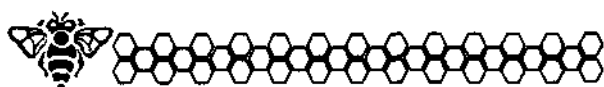

STUDIA HISTORICA
SERIES MINOR

А. А. ФОРМОЗОВ

ПУШКИН И ДРЕВНОСТИ
НАБЛЮДЕНИЯ АРХЕОЛОГА

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 63.4(2)
Ф 79

Формозов А. А.

Ф 79 Пушкин и древности: Наблюдения археолога. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с. – (Studia historica. Series minor.)

ISBN 5-7859-0114-5

Автор рассматривает все дошедшие до нас высказывания Пушкина о древностях и их исследователях, сопоставляет их с тем, что мы знаем об археологии XIX века и с современными представлениями о прошлом. Такой подход позволяет увидеть в произведениях Пушкина новые детали, затронуть вопрос о различии путей познания поэта и ученого.

ББК 63.4(2)

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

П. Ф. Соколов. «А. С. Пушкин» (1836),

Н. Г. Чернецов. «Тифлис» (1839).

Александр Александрович Формозов

ПУШКИН И ДРЕВНОСТИ

Наблюдения археолога

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки Сергея Жигалкина.

Корректор М. М. Коробова.

Подписано в печать 04.02.2000. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 3,78. Заказ № 319

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.mak.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

ISBN 5-7859-0114-5

9 785785 901148 >

© А. А. Формозов, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Как складывалась археология в России и что знал об этом Пушкин	11
Пушкин и археологические памятники юга России	33
Пушкин и легенда о гробнице Овидия	55
Интерес Пушкина к Древнему Египту. Гулянов	73
Пушкин и Ходаковский	87
Путешествия по России	97
Заключение	123
Примечания	129
Список сокращений	144
Список иллюстраций	144

ОТ АВТОРА

Заглавие этой книги вызовет, вероятно, недоумение. Что общего между Пушкиным и археологией? Раскрыв «Словарь языка Пушкина», мы без труда убедимся, что за всю свою жизнь он ни разу не употребил этот термин, хотя, несомненно, встречал его в печати и переписке. Так, в рецензии Н. А. Полевого в «Московском телеграфе» за 1828 г. говорилось, что «сцена Самозванца в келии монаха-летописателя стоила... больших соображений, чтения, критического обозрения Истории и Археологии XVII века»¹. То же слово мы найдем в письме К. Ф. Калайдовича к Пушкину от 13 декабря 1827 г. (XVII, 68)^{*} и в письме А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому относительно просьбы недавно погибшего поэта узнать у А. И. Итальянского, как он расценивает «Слово о полку Игореве»². Но, повторяюсь, у самого Пушкина этого слова нет.

Значит, прежде всего автор должен объяснить читателям, почему и зачем он написал эти очерки.

Область наших интересов определяется, как правило, очень рано. Так было и со мной. Мне исполнилось восемь лет, когда торжественно отмечался пушкинский юбилей 1937 г. Помню, как отец подарил мне однотомник, выпущенный к юбилею Детиздатом. Издания Пушкина у нас дома были, конечно, и раньше, но именно эта книга, богато иллюстрированная, нарядная по тем временам, помогла мне почувствовать — разумеется, еще только в самом первом приближении — дух пушкинской поэзии и его эпохи. Помню открытие выставки в Историческом музее, переехавшей позже в Эрмитаж, а затем — в здании Царскосельского лицея. Советского школьника, усво-

^{*} Все ссылки на произведения Пушкина даны в тексте по большому академическому «Полному собранию сочинений» (тома I—XVI, 1937—1949). Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

ившего, что все старое обречено на уничтожение, поразило, что сохранились перо поэта, его чернильница, перстень, сотни портретов, книг, вещей. Благодаря им начало XIX в., отделенное от нас уже столетием, становилось зримым, осязаемым. Так еще в школьные годы у меня возник интерес к прошлому нашей культуры, и было решено, что моя будущая специальность — изучение Пушкина, декабристов, истории русской литературы и общественной мысли.

Действительно, я поступил на Исторический факультет Московского университета, но тогда — в конце трудных 40-х годов — я предпочел заняться глубокой древностью, первобытной археологией. Я вел раскопки в Крыму и на Кавказе, опубликовал ряд работ по каменному и бронзовому веку. Но первое увлечение не прошло бесследно. Между делом я собирал материал о науке минувшего столетия, напечатал несколько книг и статей по этой теме.

На страницах старых археологических изданий я встречал имена, знакомые мне по произведениям Пушкина, по его письмам или воспоминаниям о нем. Это В. Г. Анастасевич, И. П. Бларамберг, Е. А. Болховитинов, К. М. Бороздин, В. Б. и С. М. Броневские, А. Ф. Вельтман, Э. А. Волконская, Г. Г. Гагарин, А. Г. Глаголев, Ф. Н. Глинка, А. С. Грейг, В. В. Григорьев, И. А. Гулянов, П. А. Дюбрюкс, А. А. Ивановский, Н. Д. Иванчин-Писарев, К. Ф. Калайдович, Е. Ф. Канкрин, В. Н. Каразин, М. Т. Каченовский, Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, Н. Ф. Кошанский, А. И. Левшин, А. Ф. Леопольдов, И. П. Липранди, М. Н. Макаров, М. А. Максимович, А. Ф. Малиновский, А. Н. Муравьев, Н. Н. Муравьев (Карсский), И. М. Муравьев-Апостол, Н. И. Надеждин, С. Д. Нечаев, А. С. Норов, А. Н. Оленин, М. П. Погодин, И. П. Сахаров, П. П. Свиныин, Ф. Г. Солнцев, И. М. Снегирев, Г. И. Спасский, И. А. Стемповский, С. Г. Строганов, П. М. Строев, В. Д. Сухоруков, В. Г. Тепляков, А. А. Турчанинова, С. С. Уваров, П. Н. Фусс, Э. Я. Ходаковский, А. Д. Чертков³. Более 50 человек! Иными словами, за исключением двух-трех киевских археологов, Пушкин знал всех исследователей древности, живших в России одновременно с ним.

Другой вопрос, вправе ли мы сделать из этого факта какие-либо далеко идущие выводы. Круг дворянской интеллигенции

в 1820—1830-х годах был крайне узок. Все всех знали. Чуть ли не все со всеми считались родством. Должно было пройти полвека, прежде чем стало возможным, чтобы Достоевский и Лев Толстой, живя рядом, мучительно думая над одними и теми же проблемами, так никогда и не встретились.

Простое знакомство еще мало о чем говорит. Вот, например, Александр Дмитриевич Чертков. Личность, безусловно, незаурядная. Он был создателем русской нумизматики — науки о древних монетах, первым провел раскопки подмосковных курганов, принадлежавших племени вятичей, собрал замечательную библиотеку, ставшую после его смерти общедоступной. Сейчас на основе Чертковского книгохранилища выросла одна из лучших библиотек столицы — Историческая. Как же относился к нему Пушкин? 11 и 14 мая 1836 г. он писал жене: «Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего "Путешествия в Сицилию". Не побранить ли мне его en bon parent [по-родственному]?» «На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно» (XVI, 114, 116). Нет сомнений, что для Пушкина Чертков — лишь случайное светское знакомство, скорее докучное, чем интересное.

Другой пример — крупнейший русский археолог первой трети XIX в. Алексей Николаевич Оленин. Пушкин знал его лет 20, бывал у него и дома, и в загородном имении Приютино, сватался к его дочери, в юности благодарил за «любезную благосклонность», выразившуюся в изящном оформлении издания «Руслана и Людмилы» (XIII, 28), после ссылки с раздражением назвал его в черновиках к «Евгению Онегину» «пролаз, нулек на ножках» (VI, 514). Но при всем том остается неясным, проявлял ли когда-нибудь поэт любопытство к изысканиям президента Академии художеств в области античных и средневековых древностей, использовал ли хоть раз какие-либо результаты его работы⁴.

То, что на протяжении своей жизни Пушкин встречался со многими археологами, позволяет рассчитывать только на мелкие уточнения к его биографии с помощью литературы об этих его современниках, их архивов и т. д. Кое-что из таких наблю-

дений было опубликовано мною раньше, что-то предлагается здесь читателям впервые.

Но есть другой аспект темы, гораздо более широкий и интересный. 1820—1830-е годы — это период, когда в России начались раскопки славянских городищ и курганов, некрополей у античных колоний в Северном Причерноморье, древних городов Киева и Херсонеса, возникли первые археологические музеи, были сделаны выдающиеся открытия (курган Куль-оба под Керчью, клад древнерусских ювелирных изделий в Старой Рязани). Все это вызывало определенный общественный резонанс.

В декабристской «Полярной звезде» Александр Бестужев писал: «К чести нашего века надобно сказать, что русские стали ревностно заниматься археологиею и критикой исторической — сими основными камнями истории»⁵. Пушкин внимательно читал бестужевские обзоры отечественной словесности и подробно разбирал их в письмах к автору (XIII, 177—179).

Становление археологии как самостоятельной науки — не частность, важная лишь для специалистов, а факт истории русской культуры. Неужели же всеоткликающийся Пушкин никак на него не отозвался? Нет, мы точно знаем, что он осматривал памятники древности в Крыму, в Молдавии, на Кавказе, интересовался трудами египтолога Гулянова и первого исследователя славянских городищ и могильников Ходаковского. Очевидно, тема нашей книги, при всей ее периферийности для изучения творчества Пушкина, имеет право на существование.

А отсюда и следующий шаг: не ограничиваться комментариями археолога к отдельным произведениям Пушкина, но постараться сравнить его подход к далекому прошлому с подходом современных ему ученых и с нашими сегодняшними оценками. Проблема: два пути познания, «физики и лирики» — волнует сейчас интеллигенцию и у нас, и за рубежом. «Сопрежение далековатых идей» (по выражению Ломоносова, часто применявшемуся нашими литературоведами 1920-х годов)⁶, таких как археология и творчество Пушкина, может привести к неожиданным и бесполезным выводам. Книга не претендует на то, чтобы исчерпать тему. Это лишь очерки, намечающие некоторые направления дальнейших исследований.

КАК СКЛАДЫВАЛАСЬ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ И ЧТО ЗНАЛ ОБ ЭТОМ ПУШКИН

Сведения о курганах, городищах, горных разработках — «чудских копях», наскальных изображениях, кладах, каменных изваяниях можно найти еще в русских письменных источниках XII—XVII вв. Но научный подход к этим остаткам далекой старины возник лишь в Петровскую эпоху. Тогда начались и планомерные розыски древностей для созданного царем музея западноевропейского образца — Кунсткамеры, и раскопки курганов с чисто исследовательскими, а не кладоискательскими целями, и немыслимые в предшествующий период реставрационные работы на средневековом мусульманском комплексе в Болгаре. Стремясь поднять культуру России на европейский уровень, Петр не только отправлял недорослей учиться за рубеж, издавал переводные книги и приглашал в Петербург немецких профессоров, но и пытался наладить собиранье, изучение и охрану памятников прошлого в нашей стране.

Пушкин обо всем этом знал. В подготовительные материалы 1831—1836 гг. к «Истории Петра» вошли многочисленные факты, связанные с этой стороной деятельности царя. Отмечено, что во время поездок за границу он осматривал кунсткамеры и минц-кабинеты в Амстердаме, Дрездене, Копенгагене; покупал там коллекции для своего музея, основанного в 1714 г.; желая привлечь в него посетителей, велел выставлять им специальное угощение; опубликовал указы о присылке редкостей для Кунсткамеры (X, 36, 40, 222, 227, 231, 282). Пушкин справедливо видел в этом нечто новое в русской жизни, явления, небезразличные для судеб нашей культуры.

В то же время внимание Петра к подобным вопросам в разгар таких событий, как следствие над царевичем Алексеем, удивляло поэта. Он писал о 1718 г.: «15 марта казнены Доси-

фей, Глебов, Кикин казначей и Вяземский. Баклановский и несколько монахинь высечены кнутом. Царевна Мария заключена в Шлиссельбург. Царица высечена и отвезена в Новую Ладугу... Государственные дела шли между тем своим порядком. 31 января Петр строго подтвердил свои прежние указы о нерубке лесов. 1 февраля запретил чеканить мелкие серебряные деньги. 6 февраля подновил указ о монстрах, указав приносить рождающихся уродов к комендантам городов, назначая плату за человеческие — по 10 р., за скотской — по 5, за птичий — по 3 (за мертвые), за живых же: за чел. — по 100, за звер. — по 15, за птиц. по 7 руб. и проч. Смотри указ. Сам он был странный монарх! (X, 241). Иначе говоря, сам Петр — монстр особого рода.

В этом есть своя правда, но Пушкин не заметил, что в цитированном им документе речь шла не просто об уродах, способных вызвать праздное любопытство толпы, а о сборе научных материалов как анатомических, так и палеонтологических и археологических. Вот строки, наиболее важные для нас: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье [т. е. оружие], посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, — тако ж бы приносили, за что будет довольная дача»¹. По хранящейся теперь в Эрмитаже «сибирской коллекции Петра I», состоящей примерно из 200 металлических украшений VII в. до н. э. — II в. н. э., выполненных в зверином стиле², по уцелевшим в архиве Академии наук рисункам вещей, погибших при пожаре Кунсткамеры в 1747 г.³, мы знаем, что указ 1718 г. принес определенную пользу, сберег для науки интересные памятники прошлого, найденные 280 лет назад, положил начало собиранию их в России.

Это не единственное распоряжение Петра I об охране остатков старины. Кроме него известно еще несколько: более ранний указ сибирскому губернатору М. П. Гагарину о присылке древностей в Петербург; дополнение к указу 1718 г. с уточнением размера вознаграждений за находки и предложе-

нием привезти целиком одну гробницу с костями, а с других — делать чертежи; разъяснение 1721 г. о доставке «куриозных вещей» в Берг- и Мануфактур-коллегии.

Эту сторону деятельности Петра Пушкин по достоинству не оценил. Можно вспомнить в этой связи и его юношескую шуточную поэму «Царь Никита», где говорится:

Да и ведьму не забыл:
Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок
(Тот, который всех дивил),
Две ехидны, два скелета
Из того же кабинета... (II, 254).

Здесь Кунсткамера — лишь выставка смешных и нелепых редкостей.

Но в «Истории Петра» мы встретим и иное — единственную у Пушкина ссылку на музейный экспонат: «Граф Растрелли вынул статую Бухвостова (из потешных, в то время майора артиллерии). Хранится в Академии наук в кунсткамере» (X, 219). Очевидно, Пушкин бывал в этом музее, осматривал его экспозицию. В библиотеке поэта была книга Осипа Беляева «Кабинет Петра Великого» в трех частях — описание и каталог Кунсткамеры, путеводитель по ней⁴.

Выделены в «Истории Петра» и два других момента, существенных для развития археологии в России: 1719 год — отправка в Сибирь научной экспедиции во главе с приглашенным из Данцига доктором Даниилом Готлибом Мессершмидтом (X, 453). Он-то и приступил через три года к исследовательским раскопкам курганов на Енисее. 1722 год — «Петр велел поправить болгарские развалины» (X, 261). Это первое в нашей стране распоряжение об охране и реставрации памятников старины было сделано царем на пути в персидский поход после посещения разрушенной столицы волжских болгар недалеко от Казани. В книге академика Я. Штелина, имеющейся в библиотеке Пушкина, об этом сказано так: император, «приметивши притом, что сии памятники столь славных некогда болгар уже повреждены были временем и впоследствии... совсем могут истребиться, ... прислал из Астрахани казанскому губернатору повеление отправить не-

медленно к остаткам разоренного города Булгара несколько каменьщиков с довольно количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пешись о сохранении оных и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда»⁵.

Пушкин по дороге в Оренбург останавливался в Казани и мог там слышать рассказы о Булгаре, но побывать на самом городище не успел или не захотел.

Середину XVIII в. в истории русской археологии можно назвать «академическим периодом». Из года в год созданная по замыслу Петра Академия наук посылала экспедиции «по разным провинциям Российской империи». Исследования велись в Поволжье и Приуралье, на Кавказе и на европейском Севере, но особенное внимание привлекала Сибирь. Богатейшие материалы о древностях этой области собрали Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин с сотрудниками в 1733—1743 гг. Позднее успешно работал в Сибири П. С. Паллас. Пушкин был знаком с основными публикациями проведенных в XVIII в. экспедиций. В его библиотеке мы находим книгу Ф. Страленберга — спутника Мессершмидта, «Описание Сибирского царства» Г. Ф. Миллера, труды академиков И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Н. Я. Озерецковского, И. И. Фалька, адъютанта Н. П. Рычкова⁶. В «Истории Пугачева» сочувственно цитируются слова А. И. Левшина о «Миллере, известном своими изысканиями и сведениями в истории нашей» (IX, 88). В других произведениях Пушкина Миллер назван еще семь раз. Незадолго до своей гибели поэт конспектировал «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова — одного из участников Большой Сибирской экспедиции Академии наук.

В последние десятилетия XVIII в. центр интересов ученых переместился из Сибири в Причерноморье. В состав России вошли Крым, низовья Днепра и Днестра — районы, где сосредоточено множество памятников античной культуры. В 1793—1794 гг. П. С. Паллас уже описывал достопримечательности Крыма и Тамани по той же программе, что и сибирские курганы и уральские рудники. Все чаще путешественники предпочитали Тавриду просторам Азии. Это понятно. Загадочные «чуждые изделия» могли интриговать узкий кружок сотрудников Академии. Древности греков и римлян воспринимались

всем просвещенным обществом, воспитанным на искусстве и литературе классицизма, как что-то свое, почти родственное. И изучение Сибири постепенно замирало. Крупных экспедиций после Палласа здесь не было чуть ли не сто лет.

Традиции XVIII в. некоторое время поддерживал еще горный инженер Григорий Иванович Спасский, живший в 1803—1817 гг. в Томске и на Алтае, а по возвращении в Петербург издававший там в 1818—1825 гг. «Сибирский вестник», а в 1825—1827 гг. — «Азиатский вестник». В них он печатал извлечения из летописей, статьи о рисунках на скалах, древних горных разработках и погребальных сооружениях. А потом и Спасский перебрался в Одессу и погрузился в занятия археологией Причерноморья.

Пушкин просил в 1825 г. брата Льва прислать ему в Михайловское «Сибирской вестник весь» (XIII, 163). В библиотеке поэта есть комплекты этого журнала за 1818—1822 и 1824 гг.⁷ С самим Спасским Пушкин был знаком с 1818 г., хотя и не близко. Летом 1833 г. Пушкин обратился к нему за разрешением использовать для работы принадлежащую историку рукопись П. И. Рычкова об осаде Оренбурга Пугачевым (XV, 68). Просьба была выполнена: в примечаниях к «Истории Пугачева» упомянут «список “Журнала осаде”, доставленный г. Спасским» (IX, 101).

Исследования в Причерноморье вели уже не столько члены Академии наук, сколько представители местной администрации. Пушкин знал их едва ли не всех. В Одессе он встречался с И. А. Стемпковским — автором серьезных работ по античной нумизматике и эпиграфике, возглавившим впоследствии, в бытность керченским градоначальником, раскопки городов и некрополей Боспорского царства, и с И. П. Бларамбергом, также видным знатоком памятников нашего юга, первым директором Одесского музея древностей. В Керчи Пушкин, возможно, виделся с П. А. Дюбрюксом, в Петербурге в последние годы жизни общался с академиком-антиковедом Е. Е. Келлером. В Одессе, в доме М. С. Воронцова, считавшего себя покровителем наук во вверенном ему крае, поэт, несомненно, слышал разговоры о новых археологических находках, о коллекциях ольвийских или керсонесских монет. Строка «где древних городов под пеплом дремлют мощи» (III, 191) в стихотворении 1829 г. об Италии «Поедем, я готов...» показывает, что Пуш-

кин имел представление и об открытиях при раскопках Помпей и Геркуланума.

Специфика развития археологии в России по сравнению с Западной Европой заключалась в том, что за рубежом изучение античности началось раньше всего, еще во времена Ренессанса, и к XIX в. обособилось в самостоятельную дисциплину. У нас же эта область знания сложилась относительно поздно — когда уже зародился интерес к русским средневековым древностям.

В эпоху Пушкина наследие античной культуры занимало в жизни образованного общества неизмеримо большее место, чем сейчас. Были живы традиции классицизма, культ римских гражданских добродетелей и республиканских идеалов, характерный для периода Французской революции. «Мы страстно любили древних, — вспоминал декабрист И. Д. Якушкин. — Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами»⁸. Не только наше поколение, но наши отцы и деды не могли бы сказать этого о себе.

Но именно в первой трети XIX в. наметился перелом: античным идеалам всюду стремились противопоставить образы национального прошлого. Предчувствуя движение романтизма, Луи Давид пророчествовал на салоне 1808 г.: «Через десять лет изучение античности будет заброшено... Все эти боги, герои будут заменены рыцарями, трубадурами, распеваящими под окнами своих дам у подножия старинного донжона»⁹. Гете говорил в 1824 г. И. П. Эккерману: «Римская история в сущности уже не отвечает нашему времени... Точно так же греческая история мало плодотворна для нас»¹⁰.

Примерно то же происходило и в России. Подъем патриотизма в годы борьбы с Наполеоном, огромный успех «Истории» Карамзина заставили дворянскую интеллигенцию пересмотреть обычные для XVIII в. пренебрежительные оценки допетровской эпохи. По словам Пушкина, «появление Истории государства Российского... наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросались читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным,

как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили» (XI, 57).

Декабрист В. Ф. Раевский призывал Пушкина избавиться от античных реминисценций, ввести в поэзию сюжеты и героев славянской мифологии, воспеть дни новгородской вольности¹¹.

Литературоведы отмечают резкое уменьшение античных мотивов в творчестве Лермонтова по сравнению с поэзией Пушкина¹². Порою стихи Пушкина воспринимаются нами как перенасыщенные полузабытыми классическими образами. Даже шутовское послание «К Языкову» 1826 г. содержит их чуть ли не в каждой строке:

Нет, не кастальскою водой
Ты воспел свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой (III, 22).

Все это так: образование Пушкина было классическим. В Лицее у него «Сенека, Тацит на столе» (I, 59). Он знал важнейшие произведения античных поэтов, а также многих историков, ораторов, философов. Но ведь не случайны слова «латынь из моды вышла ныне» (VI, 7). Не случайно в записке «О народном воспитании» в 1826 г. Пушкин спрашивал: «К чему латинский или греческий? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?» (XI, 46), а в «Опровержениях на критики» признавался: «...с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка; перечитывать некогда» (XI, 149, 150). Поворот к национальной тематике и отход от наследия древнего мира намечался и в творчестве Пушкина. В его зрелых произведениях античных мотивов меньше, чем в юношеских¹³.

Для того чтобы увидеть, как этот перелом в развитии русской культуры проявлялся в науке, приглянемся к фигуре близкого знакомого Пушкина, одного из ведущих наших археологов начала XIX в., президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина (1764—1843). Он возглавлял кружок петербургской интеллигенции, идею которого удачно охарактеризовал академик А. Н. Майков: «Героическое,

*Рис. 1. Алексей Николаевич Оленин
(Портрет работы А. Г. Варнека)*